

Гуань Юань забежал глазами, придумал план и обратился к Чжао Шэнгу:

— Брат, я немного устал, поспи со мной!

Чжао Шэнгу, не подозревая подвоха, сначала нагрел канг, а затем укутал Гуань Юаня в одеяло.

— Ладно, спи, — сказал он, похлопывая Гуань Юаня по спине и мягко убаюкивая.

Гуань Юань потянул за руку Чжао Шэнгу:

— Брат, ты тоже спи, закрой глаза.

Чжао Шэнгу послушно закрыл глаза, и, когда Гуань Юань коснулся его лица, тот погрузился в глубокий сон под действием Успокаивающей ци.

Убедившись, что Чжао Шэнгу спит, Гуань Юань взял его обувь и вошел в Пространство. Внутри он нашел пару старинных зимних ботинок, затем снял верхнюю часть с обуви Чжао Шэнгу.

Технологии через сто лет развились настолько, что даже производство одежды и обуви стало автоматизированным. Гуань Юань настроил машину, и она начала автоматически шить.

Гуань Юань с удовлетворением кивнул, глядя на обувь, которая внешне ничем не отличалась от оригинальной. Нужно будет найти возможность тайком принести одежду Чжао Шэнгу — с шаблоном машина сможет сделать всё автоматически.

Под действием Успокаивающей ци Чжао Шэнгу проспал почти два часа. Проснувшись, он обнаружил, что в семье Гуань уже пообедали, и никто не позвал этих детей; даже ели в полной тишине.

Проснувшись, Чжао Шэнгу заглянул на кухню — всё было съедено дочиста. Видя, что он готов взорваться от злости, Гуань Юань поспешил остановить его:

— Брат, ладно, я не голоден.

Чжао Шэнгу обнял Гуань Юаня с сожалением:

— Сяо Юань, прости, это всё моя вина. Я не должен был засыпать, из-за меня ты остался голодным.

Гуань Юань покачал головой и тихо сказал:

— Ничего страшного, я не голоден. А ты?

— Я тоже не голоден. У меня ещё есть мясо, позже я тайком его разогрею, и ты поешь.

— Это будет для нас двоих, — поправил Гуань Юань.

— Хорошо, для нас двоих.

— Брат, твоя обувь высохла? — нарочно спросил Гуань Юань.

Чжао Шэнгу, только что разозлившийся, не заметил этого, но теперь удивился:

— Эй, как она так быстро высохла? И кажется, стала теплее!

Гуань Юань усмехнулся, но внешне сохранял серьезность:

— Не знаю, может, ветер высушил.

Чжао Шэнгу не мог понять, но пошутил:

— Может, это Принцесса на горошине сделала доброе дело!

Гуань Юань подумал, что Принцессы на горошине нет, зато есть Принц на горошине, и сказал:

— Какая Принцесса на горошине? Это Принц на горошине!

Чжао Шэнгу нарочно поддразнил его:

— Кто же этот Принц на горошине?

— Я, — гордо заявил Гуань Юань, выпячивая грудь, словно готовый обидеться, если его не признают.

Чжао Шэнгу рассмеялся и начал щекотать Гуань Юаня. Тот был очень чувствителен к щекотке и, как кокон, извивался во все стороны, громко смеясь.

В главной комнате Ян Сюцуй услышала это и презрительно скривила губы:

— Точно такой же, как его мать, неудачник, не отличает своих от чужих!

Гуань Маньцан женился на Ли Юэхуа по договоренности с отцом Гуань Хэ и Гуань Юаня. Ян Сюцуй хотела выдать свою племянницу Ян Фэйфан за Гуань Маньцана, но он сам посмотрел и выбрал Ли Юэхуа.

После свадьбы Ян Сюцуй часто говорила Гуань Маньцану гадости о Ли Юэхуа. В первые годы Ли Юэхуа не могла родить ребенка, и, когда новизна прошла, Гуань Маньцан стал всё больше раздражаться на неё.

Ян Фэйфан и так была равнодушна к Гуань Маньцану, но он женился на Ли Юэхуа. Ян Фэйфан возненавидела её и, овдовев, начала явно и тайно заигрывать с Гуань Маньцаном. В итоге, когда Гуань Юаню исполнился год, они сошлись.

Ян Сюцуй ценила внуков мужского пола, но к Гуань Юаню из-за ненависти к Ли Юэхуа относилась с пренебрежением. Когда Ян Фэйфан вошла в дом, она окончательно сбила Ян Сюцуй с толку, и та стала видеть в Гуань Юане врага.

Вся семья поддерживала её, и никто не заступился за Гуань Юаня. В прошлой жизни, если бы не защита Чжао Шэнгу, Гуань Юань не только не смог бы учиться, но и вряд ли выжил бы.

На следующее утро Гуань Юань снова напоил Чжао Шэнгу Водой из духовного источника.

После двух дней употребления Воды из духовного источника внешне Чжао Шэнгу не изменился, но внутренне стал гораздо здоровее. Он был ещё ребенком, и, несмотря на годы лишений, восстановление прошло легко.

Сегодня в доме Гуань было много работы — предстояло зарезать свинью. Две свиньи были

выращены, одну нужно было отдать коллективу, а вторую половину обменять на трудодни, а другую половину оставить для себя.

Спустя сто лет Гуань Юань снова увидел свою тётю Гуань Маньсин. Её муж и двое детей тоже приехали. Муж тёти, Сунь Цзяньго, работал в уездном кооперативе. В те времена работа в кооперативе вызывала больше зависти, чем должность уездного начальника.

Он не только получал государственный паёк, но и был объектом просьб. Если кто-то был знаком с работником кооператива, его везде встречали с уважением.

Сунь Цзяньго выглядел очень интеллигентно, был одет в китайский костюм и носил очки. Гуань Маньсин была в стеганом пальто из синтетики и стояла рядом с мужем, принимая комплименты от сельчан, пришедших на Свежину.

Хотя она улыбалась сдержанно, в её манерах сквозило чувство превосходства. В руке она держала мальчика по имени Сунь Цзыхао, которому было 9 лет, и девочку Сунь Цзыюй, 6 лет. Оба ребенка смотрели на двор дома Гуань с явным пренебрежением.

Гуань Юань внутренне усмехнулся. Эта пара возвышалась над всеми в доме Гуань, и треть запасов семьи уходила к ним благодаря Ян Сюцуй. Но они, съев баранину, жаловались на её запах, и даже Гуань Маньсин смотрела свысока на своих родственников.

Гуань Маньсин внешне была вежлива, но внутри таила множество коварных планов. В прошлой жизни, когда Гуань Юань заболел, именно она порекомендовала врача, который превратил лёгкую болезнь в тяжёлую и вытянул все деньги из рук Чжао Шэнгу. Она даже обманула собственную сестру, познакомив Гуань Маньюэ с психически больным мужчиной за 500 юаней. Тот в приступе ярости сломал ей ногу, и Гуань Маньюэ стала инвалидом. Её семья бросила её, и только Ян Сюцуй, пожалев дочь, забрала её обратно в дом Гуань.

Гуань Юань закрыл глаза, чтобы не вспоминать. В прошлой жизни он отомстил Гуань Маньсин. В этой жизни, если они не будут его трогать, он оставит их в покое.

Ян Сюцуй увидела Гуань Маньсин и Сунь Цзяньго, и лицо её, все в морщинах, словно расцвело.

— Маньсин, Цзяньго, проходите в комнату, садитесь на канг. Во дворе беспорядок, не дай бог мои внуки замёрзнут.

Ян Фэйфан и Ли Юэчжи тоже улыбались, хотя что они думали на самом деле, знали только они. Сунь Цзяньго с женой вошли в дом, и Гуань Юань заметил, как он с отвращением вытер платком место, где Ян Сюцуй потрогала его одежду.

На Свежину в доме Гуань пригласили сельчан, от каждой семьи приходил один мужчина. Те, у кого не было свиней, не приходили, так как потом нужно было возвращать приглашение.

Сегодня на Свежину в доме Гуань собралось около тридцати крепких мужчин. В те времена мало кто мог позволить себе держать свиней. Если бы не деньги, которые дед Чжао Шэнгу дал семье, они бы не смогли даже прокормиться, не то что держать свиней.

Сейчас жизнь крестьян немного улучшилась, но мясо для них всё ещё было редким лакомством. Когда из кухни потянулся аромат мяса, все уже не могли сосредоточиться на разговорах, то и дело поглядывая в сторону кухни.

Угощение Свежиной в деревне было делом престижа, и Гуань Хэ сиял от гордости, чувствуя

себя выше всех. Но тут раздался неприятный голос:

— Эх, всё-таки Гуань старшему повезло. Не только жизнь спасли, но и деньги подарили. С такими деньгами чего только не съешь!

Гуань Хэ покраснел от злости:

— Ван Эр Мацзы, что ты несёшь? Эти деньги были даны старшим Чжао на содержание Шэнгу.

Тот усмехнулся:

— Чушь! Столько денег, а ребёнку что с них? Тогда договорились, что будут его как родного внука воспитывать, а вместо этого маленького уже на трудодни гоняют. Взяли деньги, а человека не ценят, не боятся кармы!

<http://bllate.org/book/16465/1494643>